

МАГОМЕДОВА Аминат Мустафаевна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Юридического института Дагестанского
государственного университета (ДГУ),
e-mail: mail@law-books.ru

АКАЕВА Аминат Абдурахмановна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Юридического института Дагестанского
государственного университета (ДГУ),
e-mail: mail@law-books.ru

ГАСАНОВА Шахризат Алиевна,

магистрант по направлению подготовки «Юриспруденция»
Юридического института Дагестанского
государственного университета (ДГУ),
e-mail: mail@law-books.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОНУЖДЕНИЕ К ДЕЙСТВИЯМ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА (СТ. 133 УК РФ): ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы законодательной регламентации и правоприменительной практики статьи 133 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающей ответственность за понуждение к действиям сексуального характера. Анализируются дискуссионные аспекты объективной стороны состава преступления, включая оценочный характер таких способов, как шантаж и использование зависимости. Особое внимание уделяется проблеме отграничения данного состава от смежных преступлений и неправомерных деяний, а также вопросам квалификации с учетом изменений, внесенных Федеральным законом № 38-ФЗ. Авторами обосновываются предложения по совершенствованию уголовно-правовой нормы с целью повышения эффективности защиты половой свободы и неприкосновенности личности.

Ключевые слова: понуждение, действия сексуального характера, шантаж, материальная зависимость, половая свобода, уголовная ответственность, квалификация преступлений.

MAGOMEDOVA Aminat Mustafayevna,

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor in the Department of Criminal
Law and Criminology at the Law Institute
of Dagestan State University (DSU)

AKAYEVA Aminat Abdurakhmanovna,

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor in the Department of Criminal
Law and Criminology at the Law Institute
of Dagestan State University (DSU)

GASANOVA Shakhriyat Aliyeva,

Master's Student in Jurisprudence at the Law
Institute of Dagestan State University (DSU)

CRIMINAL LIABILITY FOR COERCION TO SEXUAL ACTS (ARTICLE 133 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

Annotation. *The article deals with current problems of legislative regulation and law enforcement practice of Article 133 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes liability for coercion to sexual acts. The debatable aspects of the objective side of the corpus delicti, including the evaluative nature of such methods as blackmail and the use of dependence, are analyzed. Particular attention is paid to the problem of distinguishing this composition from related crimes and non-criminal acts, as well as issues of qualification, taking into account the amendments introduced by Federal Law No. 38-FZ. The authors substantiate proposals for improving the criminal law norm in order to increase the effectiveness of protecting sexual freedom and personal integrity.*

Key words: *coercion, sexual acts, blackmail, material dependence, sexual freedom, criminal liability, qualification of crimes.*

Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности представляют собой одну из наиболее общественно опасных категорий деяний, посягающих на гарантированные Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина. В системе данных преступлений состав понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ) занимает особое место, поскольку находится на стыке насильственной и ненасильственной преступности. Актуальность темы исследования обусловлена не только высокой латентностью данного вида преступлений, но и наличием ряда существенных пробелов и противоречий в законодательной регламентации, которые порождают сложности в правоприменительной деятельности.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, выражается в понуждении лица к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей).

Центральным понятием объективной стороны является «понуждение». В доктрине уголовного права под понуждением понимается психическое воздействие на потерпевшее лицо с целью подавления его воли и принуждения к совершению действий сексуального характера [1, с. 58]. Важной особенностью, отличающей понуждение от насильственных половых преступлений (ст. 131 и 132 УК РФ), является отсутствие физического насилия или угрозы его применения. Как справедливо отмечает К.В. Дядюн, «при понуждении виновный не угрожает применением физической силы, а использует иные рычаги давления, которые, тем не менее, также способны суще-

ственно ограничить свободу волеизъявления потерпевшего» [1, с. 59].

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, содержащимися в Постановлении от 04.12.2014 № 16, преступление считается оконченным с момента предъявления требования сексуального характера, независимо от того, удалось ли виновному добиться согласия потерпевшего и были ли фактически совершены действия сексуального характера [4; 5]. Данная позиция представляется обоснованной, поскольку общественная опасность деяния заключается уже в самом факте психического воздействия на личность, посягательства на ее свободу.

Однако, несмотря на кажущуюся ясность, законодательная регламентация способов понуждения вызывает серьезные нарекания со стороны ученых и правоприменителей.

Проблема определения понятия «шантаж». Шантаж как способ совершения преступления не имеет легального определения в уголовном законе. В теории и практике под шантажом понимается угроза распространения сведений, порочащих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, оглашение которых может причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего. При этом, как отмечает И.А. Зинченко, для состава преступления не имеет значения, соответствуют ли распространяемые сведения действительности или являются ложными [2]. Главное, чтобы потерпевший воспринимал угрозу реально и опасался ее реализации.

Н.Н. Кононов справедливо указывает на необходимость законодательного закрепления понятия «шантаж» в уголовном законе, предлагая сделать это в примечании к ст. 127.2 УК РФ, где данный термин используется впервые [3]. Представляется, что такая унификация способствовала бы единообразному пониманию и примене-

нию уголовно-правовых норм, содержащих указание на шантаж как на способ совершения преступления.

Проблема «материальной или иной зависимости». Использование материальной или иной зависимости потерпевшего является одним из наиболее сложных для квалификации способов понуждения. Закон не раскрывает содержание понятия «иная зависимость», что порождает трудности в правоприменении.

В юридической литературе под материальной зависимостью понимается ситуация, когда потерпевший находится на иждивении у виновного, проживает на его жилплощади, является его должником и т.п. [2]. Иная зависимость может быть служебной (подчинение по работе), учебной (зависимость студента от преподавателя), зависимость, основанная на родственных или семейных отношениях, и т.д.

Как отмечает Н.Н. Кононов, «использование зависимости предполагает, что потерпевший осознает возможность наступления негативных последствий в случае отказа удовлетворить требование виновного, и именно это осознание побуждает его к совершению действий сексуального характера» [3]. При этом важно установить, что виновный осознавал наличие зависимости и умышленно использовал ее для достижения своей цели.

Практика знает множество примеров такой зависимости. Классическими являются случаи понуждения работника к действиям сексуального характера под угрозой увольнения или создания невыносимых условий труда, либо студентки под угрозой неудовлетворительной оценки или отчисления из учебного заведения [2].

Вместе с тем, как справедливо отмечается в научной литературе, существующая конструкция «использование зависимости» не в полной мере отражает суть происходящего. Так, авторы одной из научных статей предлагают заменить эту конструкцию на «под угрозой совершения деяния, нарушающего права и законные интересы потерпевшего или его близких, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного» [3]. Данное предложение заслуживает внимания, поскольку оно позволяет более точно описать механизм воздействия на потерпевшего.

Действующая редакция ст. 133 УК РФ содержит исчерпывающий перечень способов понуждения. Однако, как показывает практика, существуют иные способы психического воздействия, обладающие не меньшей общественной опасностью, но не подпадающие под признаки шантажа, угрозы уничтожением имущества или использования зависимости.

Например, обещание предоставить какие-либо блага или преимущества, соединенное с

созданием безвыходной для потерпевшего ситуации, по своему психологическому воздействию может быть сродни понуждению. Законодательство некоторых зарубежных стран (например, ФРГ) предусматривает ответственность за использование «безвыходного положения» потерпевшего. Представляется целесообразным обсудить вопрос о расширении перечня способов совершения данного преступления либо о придании ему открытого характера, как предлагают некоторые исследователи [3].

Правоприменительная практика сталкивается с серьезными трудностями при отграничении понуждения к действиям сексуального характера от смежных составов преступлений, а также от деяний, не являющихся уголовно наказуемыми.

Основное отличие ст. 133 УК РФ от ст. 131 и 132 УК РФ заключается в способах воздействия на потерпевшего. Как неоднократно разъяснял Верховный Суд РФ, при изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера применяется физическое насилие или угроза его применения, а также используется беспомощное состояние потерпевшего [4; 6]. При понуждении же насилие или угроза его применения отсутствуют, используются иные рычаги давления.

Вместе с тем, возможны ситуации, когда понуждение, начавшись с психического воздействия, перерастает в насильственное преступление. В таких случаях содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, если виновный реализовал угрозу и применил насилие.

Особую сложность представляет отграничение понуждения от ситуаций, когда лицо добивается согласия на совершение действий сексуального характера путем обмана или злоупотребления доверием. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 16 специально оговорил, что такие действия не могут рассматриваться как понуждение. В качестве примера приводится заведомо ложное обещание вступить в брак [4; 5].

Данная позиция вызывает дискуссию в научной среде. С одной стороны, обман, как и понуждение, искажает волю потерпевшего. С другой стороны, при обмане у потерпевшего сохраняется возможность выбора, основанного на неверной информации, тогда как при понуждении выбор осуществляется под давлением, угрозой наступления нежелательных последствий. Представляется, что позиция Верховного Суда является обоснованной, поскольку в противном случае произошло бы неоправданное расширение пределов уголовной ответственности и вторжение в сферу межличностных отношений, регулируемых нормами морали и нравственности.

Однако остается открытым вопрос о квалификации ситуаций, когда обман соединен с использованием зависимого положения. Например, преподаватель обещает студентке, находящейся от него в зависимости, поставить зачет в обмен на сексуальную связь, не имея намерения выполнять обещание. Здесь присутствуют признаки как обмана, так и использования зависимости. По нашему мнению, такие действия должны квалифицироваться по ст. 133 УК РФ, поскольку определяющим является факт использования зависимости, а обещание выступает лишь формой выражения требования.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Виновный осознает, что понуждает потерпевшего к действиям сексуального характера одним из указанных в законе способов, и желает этого. Мотивы могут быть различными (удовлетворение половой потребности, месть, желание унижить и т.д.) и на квалификацию не влияют.

Субъект преступления общий — вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Гендерный признак значения не имеет, потерпевшим может быть лицо любого пола [2].

Федеральным законом от 06.03.2022 № 38-ФЗ статья 133 УК РФ была дополнена частью 3, предусматривающей квалифицирующие признаки: совершение деяния группой лиц, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), либо лицом, имеющим судимость за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего.

Введение этих признаков, несомненно, является шагом вперед в деле защиты половой свободы личности. Особенно актуальным представляется признак использования сети «Интернет», поскольку в современном мире все большее количество преступлений совершается с использованием цифровых технологий. Д.С. Злобина справедливо отмечает, что интернет является уникальным средством-способом совершения преступления, и его использование для понуждения к действиям сексуального характера существенно повышает общественную опасность деяния [9].

Однако, как отмечают В.Н. Сафонов и У.Д. Кондакова, введение новых квалифицированных составов ограничивает защиту прав совершеннолетних потерпевших, оставляя их без дополнительной уголовно-правовой охраны в тех случаях, когда те же деяния совершаются в отношении взрослых лиц [8]. Авторы также указывают на отсутствие в норме дифференциации ответственности в зависимости от успешности понуждения (удалось ли виновному добиться желаемого) [8].

Еще одной проблемой, на которую обращают внимание исследователи, является отсутствие в ст. 133 УК РФ специальной нормы, защищающей малолетних (лиц, не достигших 12-летнего возраста) от понуждения к действиям сексуального характера [8]. В настоящее время такие действия квалифицируются по ст. 135 УК РФ как развратные действия, что не в полной мере отражает специфику понуждения.

Проведенный комплексный анализ состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, позволяет констатировать наличие системных проблем в его законодательной регламентации, которые закономерно порождают сложности и ошибки в правоприменительной практике. Существующая редакция нормы, несмотря на внесенные изменения, не в полной мере отвечает потребностям эффективной уголовно-правовой охраны половой свободы личности, оставляя за своими пределами отдельные общественно опасные деяния и используя оценочные категории, не имеющие легальной дефиниции. Устранение выявленных недостатков видится в реализации следующих законодательных предложений, обоснованных доктринально и подтвержденных материалами судебной практики.

Во-первых, существует объективная необходимость легального закрепления понятия «шантаж». Как справедливо отмечает Н.В. Тыдыкова, термин «шантаж» используется в конструкциях нескольких статей УК РФ (ст. 133, 163, 302 и др.), однако его легальное определение отсутствует, что порождает неединообразное толкование [7]. В доктрине под шантажом понимается угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, оглашение которых может причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего [4]. При этом для состава преступления не имеет значения, соответствуют ли распространяемые сведения действительности [2; 4]. Для унификации судебной практики представляется целесообразным воспринять предложение, высказанное в научной литературе, и закрепить данную дефиницию в примечании к ст. 127.2 УК РФ (использование рабского труда), где термин «шантаж» используется впервые в Особенной части УК РФ [2; 7].

Во-вторых, требуется уточнение законодательной конструкции «использование материальной или иной зависимости». Анализ правоприменительной практики показывает, что существующая формулировка не позволяет в полной мере отразить механизм воздействия на потерпевшего, поскольку сам факт наличия зависимости еще не означает ее использования в качестве инструмента понуждения. Как верно указывается в юридической литературе, ключевое значение

имеет угроза совершения деяния, нарушающего права и законные интересы потерпевшего, обусловленная его зависимым положением [2; 3]. Потерпевший вынужден соглашаться на действия сексуального характера не просто из-за факта зависимости, а из-за страха реализации виновных своих возможностей, вытекающих из этой зависимости (например, увольнение, отчисление, лишение содержания). В связи с этим обоснованным видится предложение изменить редакцию диспозиции, сделав акцент на угрозе негативных последствий, а не на абстрактном использовании статуса.

В-третьих, назрела необходимость расширения либо придания открытого характера перечню способов совершения преступления. Действующая редакция ст. 133 УК РФ содержит исчерпывающий перечень способов. Однако, как обоснованно замечено в науке, за рамками состава остается ряд действий, обладающих не меньшей общественной опасностью, но не подпадающих под признаки шантажа, угрозы уничтожением имущества или использования зависимости [7]. Речь идет, например, об угрозе совершения иного преступного деяния (не связанного с насилием или уничтожением имущества) либо об использовании беспомощного состояния потерпевшего, не связанного с физической беспомощностью при изнасиловании (например, состояние сильного алкогольного опьянения, при котором лицо сохраняет способность понимать происходящее, но не может оказать сопротивления психическому давлению). Наиболее оптимальным видится дополнение перечня способов указанием на «угрозу совершения другого преступного деяния», что позволит правоприменителю реагировать на разнообразные формы психического воздействия.

В-четвертых, требуется совершенствование системы квалифицирующих признаков и дифференциация ответственности. Внесенные Федеральным законом № 38-ФЗ изменения, безусловно, являются шагом вперед. Однако они, как справедливо отмечают В.Н. Сафонов и У.Д. Кондакова, оставляют без дополнительной охраны совершеннолетних потерпевших, в отношении которых деяние совершается с использованием сети «Интернет» или группой лиц [8]. Представляется, что данные признаки следовало бы распространить на все части статьи, выделив их в отдельный особо квалифицирующий признак, либо установив повышенную ответственность за понуждение, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, независимо от возраста потерпевшего. Кроме того, острой является проблема защиты малолетних (лиц, не достигших 12 лет). В настоящее

время понуждение таких лиц квалифицируется как развратные действия по ст. 135 УК РФ [4], что не учитывает специфику именно понуждения как психического принуждения. Выходом могло бы стать дополнение примечания к ст. 131 УК РФ указанием на то, что правила о беспомощном состоянии применяются и к ст. 133 УК РФ, либо создание специального квалифицированного состава.

В-пятых, представляется обоснованным введение дифференциации ответственности в зависимости от фактического наступления последствий. Как верно замечено в доктрине, состав преступления, предусмотренный ст. 133 УК РФ, является формальным и считается оконченным с момента предъявления требования, независимо от его реализации [7; 4]. Однако общественная опасность деяния, в результате которого потерпевший устоял перед давлением, и деяния, в результате которого произошло фактическое совершение действий сексуального характера (т.е. имело место реальное посягательство на половую свободу), существенно различаются. В связи с этим в науке обосновывается необходимость существования разных конструкций состава в разных частях статьи в зависимости от результативности понуждающих действий [7]. Целесообразно было бы установить ответственность за сам факт понуждения (формальный состав) в ч. 1 ст. 133 УК РФ, а за понуждение, повлекшее фактическое совершение действий сексуального характера (материальный состав либо состав с усеченной объективной стороной, где последствие включено в объективную сторону), — в квалифицированном составе, с более строгим наказанием.

С учетом изложенного, в целях совершенствования уголовного закона представляется возможным предложить следующую редакцию изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации:

1. Дополнить статью 127.2 УК РФ примечанием следующего содержания:

«Примечание. В статьях настоящего Кодекса под шантажом понимается угроза распространения сведений, порочащих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких» [2; 7].

2. Изложить часть первую статьи 133 УК РФ в следующей редакции:

«1. Понуждение лица к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества, угрозы совершением дру-

гого преступного деяния, либо под угрозой совершения деяния, нарушающего права и законные интересы потерпевшего или его близких, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного, — наказывается...»

3. Часть третью статьи 133 УК РФ изложить в редакции, распространяющей особо квалифицирующие признаки на все деяния, предусмотренные частями первой и второй, и дополнить ее новым пунктом «г», предусматривающим ответственность за понуждение, повлекшее фактическое совершение действий сексуального характера:

«3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они:

- совершены группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
- совершены с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»;
- совершены лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего;
- повлекли фактическое совершение потерпевшим действий сексуального характера, — наказываются...»

Проведенное исследование позволяет заключить, что действующая редакция ст. 133 УК РФ, устанавливающая ответственность за понуждение к действиям сексуального характера, страдает рядом существенных недостатков законодательной регламентации, среди которых первостепенное значение имеют отсутствие легальной дефиниции ключевого термина «шантаж», неопределенность и узость оценочной категории «использование зависимости», а также исчерпывающий характер перечня способов совершения преступления, что на практике порождает трудности в отграничении от смежных составов и непреступных деяний, влечет неединообразие судебной практики и оставляет отдельные общественно опасные формы психического воздействия за рамками уголовно-правовой охраны. Для устранения выявленных пробелов и повышения эффективности применения данной нормы представляется научно обоснованным внесение в Уголовный кодекс РФ комплекса изменений: закрепление понятия «шантаж» в примечании к ст. 127.2 УК РФ, уточнение диспозиции ч. 1 ст. 133 УК РФ путем указания на «угрозу совершения деяния, нарушающего права и законные интересы потерпевшего» при использовании зависимости и расширение перечня способов за счет «угрозы совершением другого преступного дея-

ния», а также введение дифференциации ответственности в зависимости от фактического наступления последствий в виде совершения действий сексуального характера, что позволит обеспечить адекватную общественной опасности уголовно-правовую защиту половой свободы и неприкосновенности личности.

Список литературы:

[1] Дядюн К.В. Coercion to Sexual Acts: Issues of Interpretation and Application // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 9. С. 54-66.

[2] Зинченко И.А. Понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ): Тонкости и проблемы квалификации деяния // Информационный портал 9111.ru. 2025. URL: <https://www.9111.ru/questions/7777777724620349/> (дата обращения: 04.03.2026).

[3] Кононов Н.Н. Шантаж как способ совершения преступления: проблемы законодательной регламентации // Российский следователь. 2023. № 5. С. 20-24.

[4] О судебной практике по делам о преступлении против половой неприкосновенности и половой свободы личности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 // Российская газета. 2014. 12 дек.

[5] Прокуратура Воронежской области. Суд разъяснил применение норм уголовного закона против половой неприкосновенности и свободы // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. 2014. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_36/activity/legal_education/explain?item=23167999 (дата обращения: 04.03.2026).

[6] Прокуратура Чукотского автономного округа. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 №16 разъяснен порядок применения норм УК РФ о преступлениях против половой неприкосновенности // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. 2015. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_87/activity/legaleducation/explain/e2064306/ (дата обращения: 04.03.2026).

[7] Тыдыкова Н.В. Понятие шантажа в уголовном праве России // Уголовное право. 2022. № 3. С. 45-49.

[8] Сафонов В.Н., Кондакова У.Д. Coercion to Sexual Acts: Current Issues of the Effectiveness of the Legal Norm // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2025. № 7. С. 119-122.

[9] Злобина Д.С. К вопросу о роли сети интернет в системе объективных признаков состава преступления на примере ст. 133 Уголовного кодекса Российской Федерации // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2024. С. 1.

References:

[1] Дядюн К.В. Coercion to Sexual Acts: Issues of Interpretation and Application // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 9. С. 54-66.

[2] Zinchenko I.A. Coercion to sexual acts (Article 133 of the Criminal Code of the Russian Federation): Subtleties and problems of qualification of the act//Information portal 9111.ru. 2025. URL: <https://www.9111.ru/questions/7777777724620349/> (accessed on: 04.03.2026).

[3] Kononov N.N. Blackmail as a method of committing a crime: problems of legislative regulation//Russian investigator. 2023. № 5. С. 20-24.

[4] On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual: Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 04.12.2014 No. 16//Rossiyskaya Gazeta. 2014. Dec. 12

[5] Prosecutor's Office of the Voronezh Region. The court clarified the application of the norms of the criminal law against sexual inviolability and freedom// Official website of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2014. URL: [https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_36/activity/legal education/explain?item=23167999](https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_36/activity/legal%20education/explain?item=23167999) (дата обращения: 04.03.2026).

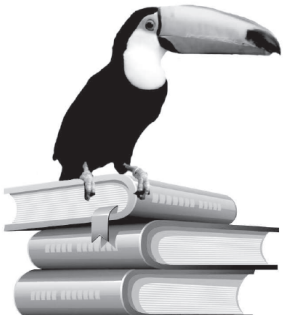
[6] Prosecutor's Office of the Chukotka Autonomous Okrug. By the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 04.12.2014 No. 16, the procedure for applying the norms of the Criminal Code of the Russian Federation on crimes against sexual inviolability was explained//Official website of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2015. URL: [https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_87/activity/legal education/explain/e2064306/](https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_87/activity/legal%20education/explain/e2064306/) (accessed on: 04.03.2026).

[7] Tydykova N.V. The concept of blackmail in the criminal law of Russia//Criminal law. 2022. № 3. С. 45-49.

[8] Safonov V.N., Kondakova U.D. Coercion to Sexual Acts: Current Issues of the Effectiveness of the Legal Norm//Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law. 2025. № 7. С. 119-122.

[9] Zlobina D.S. On the role of the Internet in the system of objective signs of corpus delicti on the example of Art. 133 of the Criminal Code of the Russian Federation//Proceedings of young scientists of Altai State University. 2024. С. 1.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.